

УДК 811.161.1'373.422(091)

ББК Ш141.12-.315+Ш141.12-03

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

Л. Г. Чапаева
Москва, Россия

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ПРАГМЕМЫ
СЛАВЯНОФИЛЬСКО-ЗАПАДНИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА

Аннотация. Исследуются процессы формирования pragматической антонимии, отражающей философскую, культурологическую и социолингвистическую оппозицию славянофилов и западников 1830—1840-х годов. В славянофильско-западническом дискурсе находят отражение многие базовые оппозиции русской культуры: свой — чужой, Россия — Запад и др. Культурологическую оппозицию славянофилов и западников можно воспринимать как межкультурную, если признавать межкультурным общение людей различных корпоративных культур. Антонимия прагмем способствует социальной дифференциации общества.

Ключевые слова: славянофил; западник; антонимическая парадигма; прагмема.

Сведения об авторе: Чапаева Любовь Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова.

Контактная информация: 109240, г. Москва, ул. 3-я Владимирская, д. 7.
e-mail: lg4@mail.ru.

Славянофильство и западничество, развиваясь как оппозиционные культурно-идеологические направления, структурно соотносятся с базовыми оппозициями русской культуры. Одну из определяющих культурно-идеологических оппозиций эпохи 30—40-х гг. XIX в. представляют сами названия течений: *славянофильство* ~ *западничество*, *славянофил* ~ *западник* [Подр. см.: Чапаева 2007б]. И славянофилам, и западникам свойственно членение окружающего мира на свое и чужое, и антагонизм и оппозиционность проявляются внутри каждого дискурса, совпадая с антитетичностью как одним из принципов речевого мышления: «В рамках общности одного типа индивид делит мир на „наших“ и „ненаших“; во многих случаях только „наши“ признаются „настоящими“» [Беликов, Крысин 2001: 190]. Б. Ф. Егоров считает враждебность к чужому, признание истинным только своего яркой особенностью русского характера, но полагает, что «больше всего заимствовали от народного мироощущения славянофилы» [Егоров 1996: 65], а «менее всего оказались связанными с народным менталитетом либералы-западники с их толерантностью и вниманием к „чужому“» [Там же]. В связи с этим оппозиция свое ~ чужое наиболее ярко реализуется в славянофиль-

Abstract. The article examines the processes of formation of pragmatic antonymy, reflecting the philosophical, cultural and sociolinguistic opposition of slavophiles and westerners of 1830—1840s. Many of the basic oppositions of Russian culture: friend vs. foe, Russia vs. The West and others find their reflection in Slavophilic-Western discourse. The cultural opposition of slavophiles and westerners may be treated as intercultural if we recognize the relations between people of different corporative cultures as intercultural. Antonymy of pragmemes facilitates social differentiation of society.

Key words: slavophile; westerner; antonymous paradigm; pragmeme.

About the author: Chapaeva Lyubov Georgievna, Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language.

Place of employment: Moscow State University for Humanities named after M. A. Sholokhov (Moscow).
ул. 3-я Владимирская, д. 7.

ском дискурсе. При этом антонимия концептов славянофильства формируется за счет противопоставления концептосфере западничества; с другой стороны, многие идеологические положения западников, не представлявших, как известно, достаточно единой группы с определенной программой, прояснялись именно в спорах со славянофилами, оформляясь в четкие оппозиции.

Дихотомия своего и чужого как обобщенная сема реализуется в конкретных оппозициях, характеризующих идеологические направления. Практически каждый концепт славянофильско-западнического дискурса образует антонимическую лингвокультурологическую парадигму, реализуемую через pragматические антонимы. Слова, референтное значение которых соединено с оценочным, можно назвать прагмемами со сложной системой взаимоотношений. В частности, выделяются контрапарные отношения, основанные на противоположности и предметных, и оценочных значений, а пары слов, связанные такими отношениями, по сути дела образующие антонимические пары, определяют как контративы [См.: Эпштейн 1991]. Структура антонимической пары оказывается подвижной и может заполняться разными лексемами, формирующими и pragmatиче-

скую синонимию. Данное свойство определяется контекстной природой антонимичности. Участие в pragматической антонимической паре приводит к развитию оценочных значений у нейтральных слов (положительного или отрицательного), расширению семантики слов, образованию языковых концептов. Антитеза в принципе является одним из средств акцентирования оценочных смыслов в политическом дискурсе, по справедливому замечанию А. П. Чудинова [См.: Чудинов 2007: 92—93].

Антонимическая парадигма включает в себя как максимально обобщенные номинации, так и номинации, построенные на частных свойствах и чертах славянофильства и западничества. При этом антонимические прагмемы обрастают контекстными синонимами, в нейтральном употреблении которых антонимичность не выражена. Добавление семантического компонента «своего» или «чужого» к парам лексических единиц, вступающих в оппозицию, приводит к их символизации. Синонимические отношения внутри одного из антонимичных членов оппозиции то расширяются, то сужаются, один из синонимов может поглощать один или несколько других синонимов, так как члены антонимических пар могут взаимно заменять друг друга. В славянофильско-западническом дискурсе 30—40-х гг. XIX в. можно выделить следующие антонимические прагмемы.

Оппозиция *свое ~ чужое* в конкретном дискурсе может выражаться с помощью самих этих лексем, например: «Своего журнала нет, в чужих писать не хотим и ничего не пишем» [Аксаков И. 1994: 101]. Но чаще объективируется в противопоставлении *наши ~ не наши, наше ~ ваше, наше ~ чужое*, которое расширяется за счет синонимизации целых понятий^[1]. Особенно ярко это проявляется в славянофильских текстах. Ср. в стихотворении К. Аксакова «Поэту-укариителю»:

Но есть пленительный для взора,
Несознанный, тяжелый грех <...>
То — жалкий лепет слов **чужих**,
То — равнодущие, презренье
Родной земли и дел родных!

[Аксаков К. 1984] (все выделения в цитатах сделаны нами. — Л. Ч.).

В синонимический ряд антонима *чужой* контекстуально включаются слова с отрицательной коннотацией *равнодушие, презрение, грех*.

Ожесточенная полемика славянофилов и западников в 40-х гг. привела к появлению в 1844 г. стихотворений Н. Языкова, обращенных к противникам, одно из которых так и называлось — «К ненашим» [Языков 1898:

333]. В этом стихотворении антонимическую оппозицию образуют *наши ~ ваши, наше ~ чужое, мы ~ вы (ты)*, при этом «не наши» — клеветники, изменники, невежды; у них предательские мненья, злость пустая, язык неверный, святотатственные сны, они сторонники школы богомерзкой, не русский народ, так как не ценят ничего родного, т. е. русского. На противоположном краю антонимической парадигмы с положительной коннотацией находятся лексемы *наш, святой, родной, любовь, народный, божий, святыня, русская земля, Русь святая, русский бог*. Обращаясь к Чаадаеву, Языков обвиняет его в том, что для него *чужда Россия ~ родная страна*, он *всего чужого гордый раб, свое он все презрел: На нас, на все, что нам священно, В чем наша Русь еще жива; Тебя мы слушаем смиленно; Твои преступные слова*. В письме к брату в 1845 г. Н. Языков писал: «Была бы великая польза светлой стороне *нашей* литературы и было бы много добра всем *нашим*, если бы Чижкову доставить средства издавать журнал» [Цит. по: Пирожкова 1997: 88]. Сходная антонимическая парадигма выстраивается и в стихотворении «С. П. Шевырёву» (опубликовано в «Современнике» в 1846 г.): *самобытная, родная старина, родной закон, родной язык, своя земля ~ враги, чужбина, чужд родной закон, непонятен родной язык*. После выхода Московского сборника 1846 г. И. Киреевский, восхищаясь его авторским составом, отражавшим преимущественно славянофильский лагерь, писал: «Какая страшная фаланга единомысленных бойцов! — Против таких ударов не долго устоит чужая сила» [Цит. по: Пирожкова 1997: 70].

Во-первых, антитеза *своего* и *чужого*, конкретизированная как *русское ~ нерусское*, категорично воспринимается славянофилами как *истинное и ложное*: «Как Вам не претит эта пошлость деления на либералов и консерваторов? — писал И. С. Аксаков А. И. Кошелеву. — Это чистейшее западничество <...>. Нет русского „либерального“ направления, может быть только истинное и ложное, здоровое и вредное направление, направление русское и антирусско» [Цит. по: Цимбаев 1986: 106]. К. Аксаков подчеркивал несовместимость *русского* и *иностранных* даже на грамматическом поле и связывал *русское направление* с понятием *народного*: «Русский вестник <...> поднимает тот же вопрос о русском или, лучше, вообще о народном воззрении» [Аксаков К. С., Аксаков И. С. 1981: 199]. И. В. Киреевский, объясняя величие таланта И. Крылова, писал в 1845 г., что «он умел быть народным, и что еще важнее, он хотел быть

русским в то время, когда всякое подражание почиталось просвещением, когда слово *иностранные* было однозначительно со словом *умное или прекрасное*» [Киреевский 1911: 121].

Во-вторых, оппозиции *русское ~ нерусское, родное ~ иностранное* синонимично противопоставление *Востока и Запада, России и Европы*.

В-третьих, в полемике 40-х гг. происходит столкновение двух различных типов философии, по-разному соотносимых с религиозным сознанием. Это создает еще один уровень противостояния, на котором оппозиция *свое ~ чужое* трансформируется в оппозицию *восточное православие ~ западное католичество*. Представление о *славянском* у славянофилов синонимично *славяно-христианскому* [См.: Киреевский 1979: 203], так как христианство и православие образуют мировоззренческое ядро славянофильства (свообразно соединяются *святой* и *славянский* в именовании «*свято-славка*», которым К. Аксаков называл свое верхнее платье типа армяка [См.: Дмитриев 1998: 440]). А поскольку оппозиционность мышления неизбежно ведет к тому, что присвоение себе, своему направлению какого-либо качества, свойства означает отсутствие подобного качества или свойства у оппонента, западники обвиняются в отсутствии религиозных убеждений, в безверии, бездушии.

Один из славянофилов писал о своих противниках: «Они отводили религии мечтко в жизни и понимании только малообразованного человека и допускали ее владычество в России только на время, — пока народ не просвещен и малограмотен; мы же на учении Христовом, хранящемся в нашей Православной Церкви, основывали весь наш быт, все наше любомудрие и убеждены были, что только на этом основании мы должны и можем развиваться, совершенствоваться и занять подобающее место в мировом ходе человечества» [Кошелев 1991: 90—91]. Особый тип культуры, в который верили славянофилы, должен строиться на почве православия, а Россия, по мнению А. С. Хомякова, избрана Богом, так как в православии содержится полнота истины и правды жизни и духа:

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты силу злую
Слепых, безумных, буйных сил.

[А. Хомяков. «России»]

В то время как И. В. Киреевский и А. С. Хомяков считали, что «истинное право-

славное христианство» и есть то самобытное начало, которое должно быть положено в основу создания нового русского типа просвещения, западники полагали, что просвещение и цивилизация возможны только при разрыве культуры с православием и церковью. «Мы могли бы не ссориться из-за детского поклонения детскому периоду нашей истории, — писал А. И. Герцен, — но принимая за серьезное их православие, но видя их церковную нетерпимость в обе стороны, в сторону науки и в сторону раскола, — мы должны были враждебно встать против них. Мы видели в их учении новый елей, помазывающий царя, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболепной византийской церкви» [Герцен 1955—1958: 132—133], в то время как «насильственное подчинение науки религии», по мнению другого западника, ведет к извращению научной мысли [Чичерин 1997: 54].

Для западников любая сакрализация жизни, искусства была чужда. Западная культура, на которую они ориентировались, была по преимуществу мирской, в ней не было места для слепой веры в святыню. И. С. Тургенев писал: «Я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, тип возмущения и индивидуальности. Какой бы я ни был атом, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати» [Тургенев 1954: 449].

В качестве одной из частных оппозиций данной эпохи можно рассматривать оппозицию *пространства и времени*. Представления о пространстве и времени естественным образом находят отражение в дискурсе славянофилов и западников не только как элементы языкового сознания, но и как базовые идеологические категории, отражающие сущность славянофильства и западничества. При этом смысловая репрезентация *пространства и времени* характеризуется оппозитивностью, так как отражает различный подход славянофилов и западников, с одной стороны, к прошлому, а с другой — к соотношению *Россия ~ Запад*.

По сути дела, славянофилы и западники существуют в разных категориях: для славянофилов, ориентирующихся на традицию, некое идеальное прошлое Руси, актуально *время*; для западников, призывающих к использованию опыта современной Западной Европы, устремленных в будущее, актуальна категория *пространства* [См. подр.: Чапаева 2007а].

Интерес к национальному прошлому, поиски идеала и образца для подражания в истории были восприняты славянофилами из немецкого романтизма: «Мы признавали

первою, самою существенною нашею задачею — изучение себя в истории и в настоящем быте; и как мы находили себя и окружающих нас цивилизованных лет утратившими много свойств русского человека, то мы считали долгом изучать его преимущественно в допетровской его истории и в крестьянском быте. <...> В этом первобытном русском человеке (крестьянине. — Л. Ч.) мы искали, что именно соответственно русскому человеку, в чем он нуждается, и что следует ему развивать. Вот почему мы так дорожили собиранием народных песен и сказок, узнаванием народных обычаев, поверий, пословиц» [Кошелев 1991: 90]. С точки зрения В. Г. Белинского, «мы, русские, с равнодушием расстаемся с преданиями нашей длиннополой старины и с охотностью <...> принимаем и усваиваем все новое» [Белинский, 5: 127]. Западниковы славянофилы обвиняли в неуважении к традиции, в стремлении разорвать связь между прошлым и будущим, в отсутствии исторического начала в их концепции развития России. Для западников определяющими понятиями исторического процесса были *развитие и прогресс*^[2], а не восстановление прерванных связей: «Для кого настоящее не есть выше прошедшего, а будущее выше настоящего, тому во всем будет казаться застой, гниение, смерть» [Белинский, 8: 318].

В статье 1847 г. «О современном литературном споре», опубликованной лишь в 80-е гг. XIX в., К. Аксаков стремился раскрыть смысл славянофильских требований о необходимости обращения к прошлому. «Само собой разумеется, что прямой возврат к прошлому невозможен. Дело гораздо сложнее и вместе с тем проще: дело — в жизненности нашего прошлого: оно не прошло, но находится „подле нас“. Прошедшая Русь не ушла из жизни безвозвратно, но сохранилась в простом народе. Поэтому не возвращение к тому, что перестало жить, но обращение к тому, что живет и теперь, т. е. к тому же настоящему, но к настоящему, „лишенному места в нашей общественной жизни“» [Аксаков К. С., Аксаков И. С. 2010: 176]. Культурологическая оппозиция *прошлое ~ настоящее* как частная реализация более общей контроверзы о *старом и новом* нашла отражение в оценке Петровской эпохи, разделившей русскую историю на две части^[3]. Не считаясь с многовековыми традициями, Петр I реформировал русскую жизнь по европейским образцам, сверг гла-венство церкви, сделав ее одним из государственных департаментов. Единая культура, существовавшая в допетровские времена, была разрушена реформами Петра:

«Русь разорвалась надвое. Явилось разделение на публику (новопреобразованное общество) и народ» [Аксаков К. 1995: 155], и главной задачей современности является возврат к тому единству, к той цельности культуры, которая наиболее полно соответствовала русскому национальному духу: «За идеалом развития славянофилы обращались к древней, допетровской Руси, подобно немецким романтикам <...>; отсюда их неблаговоление к петровской реформе, повредившей естественному росту России, отчуждившей образованные классы от народа» [Галахов 1999: 149—150]. В отношении к русской истории В. Г. Белинский видел главную черту славянофильства: «Известно, что в глазах Карамзина Иоанн III выше Петра Великого, а допетровская Русь лучше России новой. Вот источник так называемого славянофильства» [Белинский, 9: 17]. И. С. Тургенев, выступая против стремления крайних славянофилов вернуть Россию к допетровским временам, замечал: «Хоть бы они подумали о том, что тогда нужно будет возвратить к прежнему и наш прекрасный, богатый язык! <...> язык, который до времен Петра был так тяжел, что на нем трудно было излагать свои мысли, который едва складывался в форменные, сухие донесения и который с Пушкина развился так богато» [Тургенев 1954: 302]. Таким образом, славянофилы оценивают положительно допетровское прошлое, что означает и положительную оценку старины. М. А. Дмитриев, вспоминая о И. В. Киреевском и К. С. Аксакове, замечал: «У обоих было общим предпочтение русской старины и русской национальности всему европейскому. Но Киреевский искал старины и национальности в народном духе, а Аксаков в обычаях и наружном складе жизни» [Дмитриев 1998: 440]. Вся эпоха после Петра оценивается славянофилами в целом как *новое*, привнесенное с Запада, значит, *неродное, не свое*.

Западники представляли историю «как поступательное движение человечества», поэтому преобразования, связанные с именем Петра, рассматриваются как закономерный этап развития Российского государства. Петр I, «воспользовавшись государственным материалом, подготовленным московскими царями, вдвинул Россию в среду европейских держав, тем самым исполняя великое ее историческое значение» [Чичерин 1997: 46].

Характерна полемика, вызванная появлением «Полной русской хрестоматии» А. Д. Галахова (1843 г.), который ввел в литературный и педагогический обиход произведения многих современных авторов, исключив традиционные тексты докарамзинского перио-

да. Его целью было дать «образцы прозы и поэзии, написанные литературным языком нового времени, то есть обнимающим эпохи Карамзина и Пушкина» [Галахов 1999: 285]. Славянофилы и представители официальной народности обвинили его в неуважении «к преданию», стремлении разорвать связь между прошлым и современным состоянием литературы, в отсутствии подлинного исторического подхода к литературному процессу: «Вы хотите приковать русский язык и слог к одной современности, — писал в своей рецензии С. П. Шевырёв. — Русская хрестоматия, духом мнений своих нарушающая всякую живую связь между поколениями <...>, не может принести живой пользы учению» [Шевырев 1843: 248].

Пространственный концепт *Россия* также может быть представлен антонимическим противопоставлением: *центр* (столица, власть, дворянство) ~ *периферия* (деревня, народ, крестьянство). Частным отражением данной пространственной оппозиции является противопоставление старой (Москва) и новой (Петербург) столиц: Москва ассоциируется с родным, своим домом, обладает «семейственностью», а Петербург воспринимается как часть Европы внутри России. Противопоставление многозначных и многослойных для русского культурного сознания концептов *Москва* и *Петербург* отражает оппозицию свое ~ чужое.

Русское и славянское уточняется с помощью определения *московское*: «*московское славянское направление*» у И. Киреевского или «*московское и русское дело*» в переписке Д. Валуева [См.: Пирожкова 1997]. В «Гамлете Щигровского уезда» И. С. Тургенева главный герой говорит о «наших московских», которые «курскими соловьями свищут, а не по-людски говорят» [Тургенев 1961: 282]. Два сборника (Симбирский и Сборник исторических и статистических сведений о России), изданных в 1845 г., в славянофильской среде называются *Слаeянскими*, сборники 1846 и 1847 гг. уже прямо названы *Московскими*, а Некрасов издает Петербургские сборники. Принимая руководство журналом «Москвитянин» в 1845 г., И. Киреевский намеревался «задавить петербургских», т. е. западников [См.: Киреевский 1911: 231]. К. Аксаков объяснял свою позицию: «Я душою *москвич*, и не участвую ни в одном *петербургском* журнале или газете», так как «между *Москвой* и *Петербургом* нет и не может быть никакого объединения»; «мы нравственно ставим безду межу собою; полное разделение и полная противуположность и непримиримость двух начал»; «в *Петербурге* хорошие люди могут быть

только *москвичи»* [Цит. по: Пирожкова 1997: 101]. Говоря о несовместимости русской орфографии с чуждой грамматикой, К. Аксаков в статье о правописании иронично обыгрывает название жителя Петербурга, считает «дикими» образования «петербуржец», «петербуржанин» и заключает: «Видно, как ни бейся, а от иностранного имени не получишь русского окончания» [Аксаков К. 1875: 405].

Таким образом, можно выстроить градацию прагматических антонимов, используемых в культурно-идеологической оппозиции славянофильства и западничества, иллюстрирующих как контрапность двух идеологий, так и их внутреннюю амбивалентность: *свой ~ чужой; славянский ~ не славянский, общеевропейский; русский ~ не русский, западный; восточный ~ западный; истинно христианский ~ не христианский, безбожный; православный ~ католический; народный ~ не народный; старое ~ новое; пространство ~ время; прошлое ~ настоящее; московский ~ петербургский (Москва ~ Петербург).*

Культурологическую оппозицию славянофилов и западников, на наш взгляд, можно рассматривать не только как внутрикультурную, но и как межкультурную, если межкультурным признать общение не только людей разных национальностей, но и различных корпоративных культур. Антонимия описанных прагмем, отражая противопоставленность *своего* и *чужого*, способствует социальной дифференциации общества, т. е. язык в данном случае выполняет функцию разделения и атрибуции различных общественных групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1]. Г. Я. Солганик, исследуя язык современной газеты, обратил внимание на слова, семантическая структура которых состоит из тождественного референтного и противоположного оценочного значения, отмечая, что слова с положительной коннотацией используются для описания «нашего» и «наших», а с отрицательной — «не-нашего» и «ненаших» [См.: Солганик 1981].
- [2]. См. слова В. Г. Белинского: «Понятие о *прогрессе* как источник и цели исторического движения, производящего и рождающего события» [Белинский, 8: 286].
- [3]. Ср. определение славянофильства Ф. Толлем: «Так называется в России партия, не признающая необходимых преобразований России Петром I и видящая идеал русского устройства в допетровской Руси» [Настольный словарь 1864, 3: 479]. М. А. Дмитриев называет славянофилов «партией староверов, которые осуждали Петровскую реформу и стояли за московское царство» [Дмитриев 1998: 366].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И. С. Письма к родным (1849—1856). — М. : Наука, 1994.
2. Аксаков К. С. Полн. собр. соч. — М. : В тип. П. Бахметева, 1875. Т. 2, ч. 1.
3. Аксаков К. С. Стихотворения // Поэты кружка Н. В. Станкевича. — М. ; Л. : Советский писатель, 1964.
4. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. — М. : Искусство, 1995.
5. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
6. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. — М. : Современник, 1981.
7. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика : учеб. для вузов. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.
8. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. / под ред. Н. Ф. Бельчикова и др. — М. : Изд-во АН СССР, 1953—1959.
9. Галахов А. Д. Записки человека. — М. : Новое литературное обозрение, 1999.
10. Герцен А. И. Собр. соч. : в 9 т. / под общ. ред. В. П. Волгина и др. — М. : ГИХЛ, 1955—1958.
11. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
12. Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры, том V (XIX век). — М. : Языки русской культуры, 1996.
13. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. : в 2 т. / под ред. М. Гершензона. — М., 1911.
14. Киреевский И. В. Критика и эстетика. — М. : Искусство, 1979.
15. Кошелев А. И. Записки // Русское общество 40—50-х годов XIX в. — М. : Изд-во МГУ, 1991. Ч. 1.
16. Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика. — М. : Изд-во МГУ, 1997.
17. Солганик Г. Я. Лексика газеты (функциональный аспект). — М. : Высшая школа, 1981.
18. Тургенев И. С. // Русские писатели о языке (XVIII—XX вв.). — Л. : Советский писатель, 1954. С. 298—324.
19. Тургенев И. С. Письма : в 13 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР. — 1961—1968. Т. 1.
20. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 4.
21. Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. — М. : Изд-во МГУ, 1986.
22. Чапаева Л. Г. Пространство и время в идеологическом дискурсе славянофилов и западников 30—40-х гг. XIX в. // Вестн. МГУ. Сер. 9 : Филология. 2007а. № 2.
23. Чапаева Л. Г. Славянофилы и западники в русской культурно-языковой ситуации 1830—1840-х годов. — М. : МГТУ им. М. А. Шолохова, 2007б.
24. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2007.
25. Шевырёв С. П. Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Ч. 1—2 // Москвитянин. 1843. № 5, 6.
26. Эпштейн М. Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкоznания. 1991. № 6.
27. Языков Н. М. Стихотворения. — СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1898. Т. 1.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.